

А. А. Златопольская*

**ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ Ж.-Ж. РУССО И МОНТЕСКЬЕ
В РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА****

В статье исследуется отражение в русской мысли XVIII — начала XIX века идей Ж.-Ж. Руссо и Монтескье и формирование в этой связи русской политической лексики. Анализируется отражение в русской политической лексике общих для Руссо и Монтескье понятий «демократия», «аристократия», «монархия», а также руссоистских концептов «общественный договор», «суверенитет», «общая воля», «политическое тело». Показывается что восприятие концептов Руссо и Монтескье прошло несколько ступеней: перевод, что связано не только со взглядами мыслителей, но и с развитием языка; пересказ близко к тексту сущности руссоистских понятий и политических понятий Монтескье со ссылкой на сочинения этих мыслителей; переосмысление руссоистских концептов и концептов Монтескье на русском материале без упоминания источника, в свете опыта воплощения этих концептов и идей в том числе в годы Французской революции.

Ключевые слова: Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, русская мысль, политическая лексика, демократия, аристократия, монархия, общественный договор, суверенитет, общая воля, политическое тело.

A. A. Zlatopolskaya

*REFLECTION OF THE IDEAS OF J.-J. ROUSSEAU AND MONTESQUIEU IN RUSSIAN
THOUGHT AND RUSSIAN POLITICAL VOCABULARY OF THE 18TH — EARLY 19TH
CENTURIES*

The article examines the reflection in Russian thought of the 18th — early 19th centuries of the ideas of J.-J. Russo and Montesquieu and the formation of Russian political vocabulary

---

* Златопольская Алла Августовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека; azlatopolskaia@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

in this regard. The author analyzes the reflection in Russian political vocabulary of the common concepts of Rousseau and Montesquieu “democracy”, “aristocracy”, “monarchy”, as well as Rousseauist concepts “social contract”, “sovereignty”, “general will”, “body politic”. It is shown that the perception of the concepts of Rousseau and Montesquieu passed several stages: translation, which is associated not only with the views of thinkers, but also with the development of language; the retelling is close to the text of the essence of the Russoist concepts and political concepts of Montesquieu with reference to the works of these thinkers; the rethinking of Rousseauist concepts and Montesquieu’s concepts on Russian material without mentioning the source, in the light of the experience of translating these concepts and ideas, including during the French Revolution.

Keywords: Montesquieu, J.-J. Rousseau, Russian thought, political vocabulary, democracy, aristocracy, monarchy, social contract, sovereignty, general will, body politic.

В XVIII — начале XIX в. в связи с распространением и усвоением идей Руссо и Монтескье усваиваются и основные понятия, характеризующие воззрения этих мыслителей, основные концепты «Общественного договора» и «Духа законов», они проникают в политическую лексику.

Можно выделить две интерпретации понятия общественного договора.

1) Общественный договор как договор подчинения народа правителю. Законодательная власть при этом принадлежит правителю. Народ не имеет суверенитета.

Такое понимание общественного договора характерно для большинства просветителей, в т. ч. и для Монтескье.

2) Интерпретация общественного договора как договора ассоциации, договора народа с самим собой. Законодательная, верховная власть при этом полностью принадлежит народу. Такое понимание общественного договора характерно для Руссо. Монтескье же полагал, что договор ассоциации характеризует только такую форму правления как демократия.

Стержнем руссоистской теории является концепция народного суверенитета. Для Монтескье же народный суверенитет существует только при демократической форме правления.

Однако концепция народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо противоречива. С одной стороны, Руссо отталкивается от интересов личности, требует ее освобождения. А с другой — для Руссо добродетель гражданина может возникнуть только при подавлении естественных склонностей, поэтому в той же главе «Общественного договора» он требует выполнения следующего условия: «Полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины» [15, с. 161]. Государство «общей воли» для Руссо есть «политическое тело», гражданин должен подчиняться общей воле как своей собственной. Это противоречие «жневский гражданин» видит и пытается разрешить ссылкой на то, что государство народного суверенитета образовано в результате договора ассоциации, следовательно, и его законы — воплощение общей воли — выражают действительно свободную волю индивида, его подлинные интересы, в отличие от интересов сиюминутных, неподлинных. Однако здесь Руссо подстерегает новая трудность. Частные интересы отдельных людей часто не совпадают с интересами целого, частная воля отнюдь не всегда совпадает с общей. Даже все вместе люди не всегда выбирают свои

коренные, подлинные интересы, тем более могут не распознать их те, кто только что сбросил цепи рабства и не имеет привычки к свободе, кто непросвещен и не знает, что такое истинная свобода и действительная воля народа. В связи с этим Руссо различает «общую волю», выражающую действительные интересы народа, и «волю всех», выступающую лишь суммой частных волеизъявлений и характеризующую только какие-либо настроения толпы. В основе законов лежит общая воля народа. В результате попыток дать критерий различения общей воли и воли всех Руссо приходит к мысли о необходимости для народа законодателя, который сверхъестественным образом видит действительно общую волю народа и благодаря этому творит законы данного государства. И хотя Руссо оговаривает, что принимает эти законы, в конечном счете, народ-суверен, безусловно, фигура законодателя противоречит концепции народного суверенитета.

В XVIII — начале XIX в. «Общественный договор» был хорошо известен в России, хотя и не имелось его печатного перевода. Трижды публиковался перевод статьи Руссо «О политической экономии», в которой «женевский гражданин» формулирует важнейший концепт своей политической системы — понятие общей воли (*volonté générale*). В Российской национальной библиотеке имеется чистовой экземпляр рукописного перевода «Общественного договора» начала XIX в. [16].

В то же время переводится главное политическое сочинение Монтескье «О духе законов». Рукописный перевод Александра Павлова сохранился в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и датируется 1760-ми гг. [5]. Неполный перевод Василия Крамаренкова (только первая часть) вышел в 1775 г. (переиздан в 1801) [6]. В 1809–1814 гг. выходит перевод Дмитрия Языкова, который также является неполным [7].

Русские мыслители того времени в большинстве своем воспринимают общественный договор не в качестве договора ассоциации (как у Руссо), а в качестве договора подчинения народа правителю, что характерно для Монтескье.

В политической лексике отражаются такие руссоистские понятия, как *contrat social* (общественный договор), *souveraineté* (суверенитет), *corps politique* (политическое тело) общая воля (*volonté générale*) и др., «сила» и «право» в руссоистской интерпретации «сила не есть право».

Общими с Монтескье у Руссо являются понятия «демократия», «аристократия», «монархия». Под влиянием политических идей Руссо находился Мабли, который также использовал концепцию суверенитета народа, что мы в дальнейшем увидим в переводе Мабли, сделанным Радищевым.

Можно выделить несколько ступеней восприятия политических концептов Руссо и Монтескье:

1) Перевод понятий на русский язык в рамках перевода политических сочинений Руссо и Монтескье. Такая практика связана (особенно в XVIII в.) не только с политическими взглядами мыслителей, но и с развитием языка. Иногда такие переводы делаются в рамках языковой или интеллектуальной игры и не связаны глубоко с выношенными взглядами того или иного мыслителя.

2) Не прямой перевод, а пересказ близко к тексту сущности руссоистских понятий и политических понятий Монтескье со ссылкой на сочинения этих

мыслителей. Это связано со взглядами данного мыслителя, с опытом воплощения этих идей, в частности в годы французской революции. Иногда здесь сущность понятий лучше схватывается, чем при буквальном переводе.

3) Переосмысление руссоистских концептов и концептов Монтескье на русском материале без упоминания источника, в свете опыта воплощения этих концептов, этих идей в том числе в годы французской революции.

Второй и третий пункты — не прямой перевод, а усвоение понятий.

Иногда во втором и в третьем случае концепты усваиваются настолько глубоко, что переводятся метафорически, в то же время этот метафорический перевод достаточно четко и точно выражает сущность концепций Руссо и Монтескье.

В то же время очень важно показать, какими понятиями пользуются мыслители, а какие ими не используются, или используются неявно, или используются не в точном переводе.

Для русских мыслителей, говорящих о договоре подчинения, важным руссоистским понятием является «политическое тело». Можно проследить, как передавалось понятие *corps politique* в переводах статьи Руссо «О политической экономии». В переводе, сделанном А. И. Лужковым *corps politique* переводится как «политическое тело» [17, с. 11]. Также передается оно и в переводе 1787 г., сделанном Василием Медведевым [14, с. 15] В переводе 1767 г. (перевод Алексея Васильевича Нарышкина) — *corps politique* переводится как «тело народное» [13, с. 10]. Политическое общество переводится как «сообщество народное» [13, с. 11]. Нарышкин, можно сказать, радикализует воззрения Руссо, хотя вообще он отнюдь не отличался крайними политическими воззрениями и данный перевод скорее всего был родом интеллектуальной игры [19, с. 328–329].

В XVIII — начале XIX в. понятие «суверенитет», ключевое понятие политической системы Руссо, часто переводится как «самодержавие», в частности в рукописном переводе «Общественного договора». Трудно сказать, было ли это уступкой цензуре или исходило из взглядов переводчика. В переводах произведений Монтескье, как и в «Наказе» Екатерины, также понятиями «самодержавие», «самодержец» переводятся концепты «суверенная власть» (*la souveraine puissance*), «суверен» (*le souverain*) [6, с. 16; 7, т. 1, с. 17; 5, л. 9об. — 10, 8, с. 340–341]. В печатных переводах «Духа законов» Монтескье, а также в «Наказе» Екатерины терминами «самодержавие», «самодержавное правление» переводятся и понятия «монархия», «монархическое правление» [6, с. 31; 7, т. 1, с. 16; 8, с. 342–343].

Однако в отличие от понятия суверенитета, который переводится как «самодержавие» понятие «самовластие», самовластный (*arbitraire*) имеет отчетливо отрицательную коннотацию. Руссо пишет:

Il faudroit donc pour qu'un Gouvernement arbitraire fût légitime qu'à chaque génération le peuple fût le maître de l'admettre ou de le rejeter: mais alors ce Gouvernement ne seroit plus arbitraire [22, p. 356].

В рукописном переводе «Общественного договора» этот пассаж из главы IV первой книги, носящей название «О рабстве» «*De l'esclavage*» переводится таким образом:

Следовательно, надобно, чтобы самовластное правительство было законно, чтобы при всяком поколении народ имел власть или допускать или отвергать сие правительство: но тогда сие правительство не было более самовластным [16].

Русские мыслители говорят за немногими исключениями о договоре подчинения, а не о договоре ассоциации.

Для обоснования договора подчинения народа правителю использовались идеи Монтескье, пример здесь подала императрица в своем «Наказе». По Монтескье, для монархии и аристократической республики характерен договор подчинения народа правителю или нескольким семействам, которые выступают в качестве правителя. Русские мыслители используют для обоснования правомочности монархии идеи Руссо и Монтескье, сближая воззрения этих мыслителей.

Д. И. Фонвизин использует как «Общественный договор», так и идеи «Духа законов» для обоснования своего идеала монархического государства, основанного на «непременных государственных законах». О суверенитете народа у Фонвизина не могло быть и речи, нет речи и о суверенитете дворянства. Источник законодательной власти — монарх. Но в результате таким образом истолкованного договора государство у Фонвизина, как и в «Общественном договоре» Руссо, превращается в «политическое тело», т. е. Фонвизин, подобно Руссо, при всей противоречивости их идейных позиций, считает необходимым, чтобы государство было единым организмом. Но если у Руссо «общая воля», суверенная власть народа объединяет граждан, то у Фонвизина государь — «душа правимого им общества» [20, с. 103–104] — с помощью «непременных государственных законов» достигает того, что государство становится «политическим телом».

Попытка демократической интерпретации общественного договора была предпринята, хотя, как мы увидим, непоследовательно и робко, Я. П. Козельским. Находясь под влиянием Гельвеция, Козельский подчеркивает, что люди действуют прежде всего ради своего интереса. Поэтому они и заключают общественный договор. Как и Руссо, Козельский считает, что договор заключается с согласия всех договаривающихся, что он может быть расторгнут. Но, несмотря на демократические моменты в трактовке общественного договора, Козельский прежде всего считает его договором подчинения. И, в противоречии со своей собственной трактовкой общественного договора, он затем утверждает, ссылаясь на Руссо, но в действительности полностью искажая его мысль, что

господин Руссо говорит между людьми повеление одного и послушание сперва начало получили свое от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою основывать свои действия на праведных и верноисполняемых договорах [3, с. 80].

В понимании форм исполнительной власти он также опирается на учение Руссо. Перечисляя эти формы, приведенные Руссо в «Общественном договоре», Козельский, исходя из особенностей понимания им общественного договора как договора между правителем и народом, где народ подчиняется правителю, сближает определение этих форм, данное Руссо, с определением Монтескье.

Тем самым, суверенитетом народ обладает лишь при демократической форме правления, как у Монтескье, к которой Козельский относится явно неодобрительно. Для больших областей Козельский, ссылаясь на Монтескье, (но безусловно имея в виду и Руссо), считает необходимым установление монархии. Козельский, в согласии с Монтескье и Руссо, считает, что монархической является та власть, где государь правит в соответствии с законами, но, в отличие от Руссо, эти законы не вырабатываются народом.

Близок в решении вопроса о форме исполнительной власти в России к Козельскому Д. И. Фонвизин. Это также власть монарха, основанная на законах, которые он сам устанавливает. И в то же время эти законы должны действовать на пользу нации, с которой у монарха заключен договор. Здесь Фонвизин находится под влиянием Монтескье.

Подлинно демократическое истолкование общественного договора как договора ассоциации, а не подчинения дал А. Н. Радищев.

Надо заметить, что Радищев был не одинок в такой трактовке общественного договора. Под влиянием Радищева была произнесена проповедь П. А. Словцова, проникнутая вольнолюбивыми идеями. Словцов так же, как и Радищев, использует идею Руссо о подлинном общественном договоре как договоре ассоциации. Перефразируя мысль Руссо, высказанную им в главе V книги I «Общественного договора», Словцов пишет: «Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина» [18, с. 148–149].

У Радищева, одного из немногих, кто интерпретирует общественный договор как договор ассоциации, суверенитет народа — «обща власть в народе». В то же время Радищев не различает «общую волю» и «волю всех» («свою творю, творя всех волю»). Часто эти понятия у него совпадают. Радищев подчеркивает в понятии «суверенитет», самодержавие, неограниченную власть. В переводе «Размышлений о греческой истории» Мабли он, переводя руссоистские по сути дела размышления Мабли, переводит суверенитет народа как народное самодержавие.

Ликург сохранил в Лакедемоне сугубое царское правление; что было свойственностью двух потомства Ираклиева отраслей. <...> Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну, и поставлять судей, коим он долженствовал повиноваться [12, с. 235], —

так переводит Радищев одни из основных понятий «Размышления» Мабли. Здесь мы видим перевод руссоистских понятий «суверенитет» и *corps* — тело, *corps politique* как «народное тело». Здесь понятие «народное самодержавие» имеет положительную коннотацию:

Самодержавство, коим народ пользовался, побуждало его без напряжения ко всему тому, что в народнуправляемом государстве любовь вольности и отечества могут произвести великаго и великодушнаго [12, с. 236].

Однако самодержавие как власть одного человека, а не народа, имеет отрицательную коннотацию и фактически является синонимом понятия «деспотизм»:

Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности.<...> Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества [12, с. 282].

Здесь самодержавие — синоним деспотизма — противопоставляется монархии. Радищев использует понятие «общая воля»: «закон — извет общия воли». Необходимо заметить, что в «Наказе» Екатерины самодержавие и монархия являются синонимами.

Позднее, в «Путешествии из Петербурга в Москву», самодержавие — неограниченная власть — получает у Радищева отрицательную коннотацию, даже если это самодержавие народное:

...Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! Ты еще хождяешь близ Бастильских пропастей [11, с. 91].

Для воплощения в жизнь суверенитета, законодательной власти народа, прав каждого гражданина необходима соответствующая исполнительная власть. Свое понимание исполнительной власти Радищев, пожалуй, наиболее полно выразил в знаменитом наброске, где он говорит, что

Монтескию и Руссо, с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассиийские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие [10, с. 47].

И если Радищев в примечании к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли, в духе рассуждений Руссо о монархии-республике и рассуждений Монтескье, отделяет деспотизм (самодержавие) от собственно монархии, то в дальнейшем он считает формой исполнительной власти, обеспечивающей суверенитет народа, республику.

Таким образом, весьма часто понятие «суверенитет» переводится как «самодержавие», а «суверенитет народа» — как «народное самодержавие».

Однако в переводах имеется акцент и на другой смысл слова «суверенитет», в частности, в переводе книги аббата Баррюэля «Записки по истории якобинизма», выполненном П. Домогацким [1]. Книга Баррюэля — своеобразная Библия Контрпросвещения, где несколько десятков страниц посвящено критике «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо и где приводятся обширные цитаты из этой книги.

Концепт «народ-суверен» (*peuple souverain*), центральный для теории Руссо, переводится Петром Домогацким метафорически — как «народ-самоправитель» [1, с. 178; 21, р. 76], народ-повелитель [1, с. 176; 21, р. 75], «самодержец» (*souverain*) [1, с. 179–180; 21, р. 77], но в отрицательном контексте. Однако

данные метафоры весьма точно отражают смысловое ядро «Общественного договора».

Мыслители, рассматривающие общественный договор как договор подчинения и отвергающие идею народного суверенитета, принимают руссоистскую концепцию полного подчинения гражданина «политическому телу».

Отнюдь не симпатизируя политическим идеям Руссо, Карамзин использует сформулированное в «Общественном договоре» положение о подчинении гражданина как части политическому телу. Карамзин даже более резко, чем Руссо, настаивает на подчинении гражданина государству. Для Руссо добродетель гражданина имеет свой источник в доброте естественного человека. Для Карамзина же, в противоположность Руссо, человек зол [2, с. 120]. В то же время Карамзин отбрасывает руссоистскую идею о суверенитете народа и договоре ассоциации. Договор, в результате которого было создано самодержавное государство, — это договор подчинения. Характерна формулировка этого договора: «Народ в первоначальном завете с Венценосцами сказал им “блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого”» [2, с. 25] В то же время считая, что на практике Россия может быть только монархией, в теории Карамзин — республиканец. В «Истории государства Российского» при описании древней Руси используются идеи Руссо о суверенитете народа [4, с. 324].

Таким образом, мыслители демократической ориентации говорили о суверенитете народа, мыслители же консервативной ориентации о подчинении гражданина «политическому телу», о договоре подчинения народа правителю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баррюэль О. Волтерианцы, или история о якобинцах, открывающая все противу христианския злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы / пер. П. Домогацкий: в 12 ч. — М.: В тип. С. Селивановского, 1806. — Ч. 3.
2. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. — СПб.: Изд. гр. М. Н. Толстой, 1914.
3. Козельский Я. П. Философические предложения // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / сост., вступ. статья, комментарии и библиография А. А. Златопольской. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 80–83.
4. Ланда С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и полит. организации декабристов, 1816–1825. — М.: Мысль, 1975.
5. Монтескье Ш.-Л. О прямом разуме законов. Т. 1 / переводил Лейбгвардии Измайловскаго полку Полковой Квартермистр Александр Павлов // ОР РНБ. Эрмитажное собрание. — Ед. хр. № 42.
6. Монтескье Ш.-Л. О разуме законов / сочинение г-на Монтескьюя; переведено с французскаго Василием Крамаренковым. — СПб.: При Императорской Академии наук, 1775. — Т. 1.
7. Монтескье Ш.-Л. О существе законов / Творение г. Монтескье; перевел с французскаго Дмитрий Языков, член С.-Петербургских обществ: Филантропическаго и любителей наук, словесности и художеств. Издал Василий Сопиков: 4 т. — М., 1809–1814.

8. Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа, источники, переводы, тексты / изд. подготовлено Н. Ю. Плавинской; Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: Памятники исторической мысли, 2018.
9. Польской С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 11. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 240–252.
10. Радищев А. Н. [Разрозненные заметки] // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. 3. — С. 41–48.
11. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. — СПб., 1992.
12. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата де Мабли / Переведено с французского // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1941. — Т. 2. — С. 229–328.
13. Руссо Ж.-Ж. *Economie (Morale et politique)* = Экономика (Нравоучение и политика) / пер. А. Нарышкина // Переводы из Энциклопедии. — М., 1767. — Ч. 2. — С. 3–63.
14. Руссо Ж.-Ж. Гражданин, или Рассуждение о политической экономии / пер. В. М. [В. Медведевым]. — СПб.: [тип. Овчинникова], 1787.
15. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969. — С. 151–256.
16. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, или Начальные основания политического права // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Q II. — № 26.
17. Руссо Ж.-Ж. Статья о политической экономии или о государственном благоустройстве / пер. из Энциклопедии [А. И. Лужковым]. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777.
18. Словцов П. А. Поучение по случаю торжества бракосочетания Его Высочества, Великого Князя Александра Павловича с Елисаветою Алексеевною, Княжною Баденскою // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / сост., вступ. статья, комментарии и библиография А. А. Златопольской. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 148–150.
19. Степанов В. П. Нарышкин Алексей Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. — СПб., 1999.
20. Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra / сост., вступ. статья, комментарии и библиография А. А. Златопольской. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 99–110.
21. Barruel O. *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*. — Hambourg, 1803. — Т. 2.
22. Rousseau J.-J. *Du contrat social* // Rousseau J. — J. Oeuvres complètes. — Paris, 1964. — Т. 3. — Р. 347–470.